

залучати розум і його здатність. Від природних здібностей чесноту відрізняє те, що вона є ефектом зусиль, в той час коли здібності є нам «даними». Моральні чесноти, що постійно схиляють до сили волі, виступають тривалою основою волі. Виробляємо чесноту, здійснюючи відповідні вчинки, і, з іншого боку, чеснота допомагає нам легше й краще здійснювати ці вчинки. Чеснота також є схильністю і здатністю до здійснення добра. Саме такі діяння визначаються як морально гідні. Протилежністю чесноти є вада, котра також є схильністю й здатністю волі, але вже у здійсненні зла. Внутрішнє спрямування волі на здійснення добра є сутністю любові.

Усі чесноти, що традиційно визнаються і світською, і релігійною етикою: правдивість, милосердя, мужність, розважливість, поміркованість, справедливість – становлять якусь форму любові і тому мають право називатися чеснотами. Любов має сенс і статус першої й найважливішої чесноти. Саме завдяки їй чеснота є благом суто моральним, розвиває в людині її здатність до розумної і вільної любові. В сучасній культурі важливе значення мають і такі чесноти, які завжди вважалися суто релігійними: віра та надія. Любов спочатку теж була чеснотою релігійною, але часи змінилися, і любов зайняла чільне місце в світській етиці. Так, чеснота віри висвітлює і поглиблює чесноту розважливості, поліпшує прийняття доброго і слушного рішення. Чеснота надії становить доповнення, особливе увінчання мужності. Надія зміцнює особу в прагненні до блага, особливо до Блага Абсолютного. Надія укріплює волю, віру, допомагає перенести всі скорботи, негаразди життя, трактуючи їх як процес очищення й загартовування людини на важкому шляху утвердження правди й любові. А життя в правді й любові ніколи не було здійснене. Здійснивши аналіз, необхідно зазначити, що між світською та релігійною етикою та мораллю існує багато спільних рис.

Мулярчук Е. І. Етос і мораль в релігійних спільнотах: досвід християнства / І. Е. Мулярчук // Етос і мораль в сучасному світі. – К., 2004.

Надійшла до редколегії 14.12.09

УДК 141.32

В. А. Вершина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Ф. ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ С. ФРАНКА

Сутність філософських пошуків Достоевського та створена письменником «нова форма гуманізму» представлені в інтерпретації Семена Франка.

Ключові слова: гуманізм, особистість, християнський світогляд, віра, проблема зла, виправдання людини.

© Вершина В. А., 2009

Сущность философских исканий Достоевского и созданная писателем «новая форма гуманизма» представлены в интерпретации Семена Франка.

Ключевые слова: гуманизм, личность, христианское мировоззрение, вера, проблема зла, оправдание человека.

Essence of philosophical searches of Dostoevsky, «new form of humanism» created a writer are presented in interpretation of Semen Frank.

Key words: humanism, personality, Christian world view, faith, problem of evil, justification of a person.

Проблематика и поэтика Федора Достоевского на протяжении двух столетий неизменно привлекают внимание отечественной и мировой мысли, вызывая оживленные дискуссии. В. Розанов говорит словами «всякого русского»: «... это самый *проницательный* в России человек и самый – *любящий*. Любовь и мудрость – вот два венца Достоевского...» [9]. «Большие романы Достоевского принято сопоставлять с некоторыми «вечными книгами» – *Библией, Божественной комедией, Фаустом*» [5, с. 389]. Его творчеству посвящена обширная комментаторская и исследовательская литература.

Как известно, еще при жизни писателя называли «великим пророком», видели в нем «что-то священное» и «что-то львиное»: «Около его писательской фигуры, как около евангелиста, таинственно выделялся как бы апокалипсический зверь» (М. О. Меньшиков) [7]. В определении главных тем Достоевского исследователи также расходятся, как и в оценке его личности. Так, например, Л. Шестов считает, что «сочинения Достоевского и Ницше заключают в себе не ответ, а вопрос. Вопрос: имеют ли надежды те люди, которые отвергнуты наукой и моралью, т. е. возможна ли философия трагедии?» [16]. По мнению Н. Бердяева, в центре творчества Достоевского находится проблема страдания [4, с. 111]. Н. Арсеньев выделяет три главных вопроса – отношение русской самобытности к западной культуре, глубокий дуализм Русской народной души, вопрос об отношении мира и Бога, вопрос о зле в мире, вопрос, можно ли с этим злом, царящим в мире, совместить веру в Бога, можно ли вообще верить в Бога [2, с. 82]. В. Б. Ремизов, сопоставляя мировоззрение Достоевского и Толстого, называет «Милосердие, Любовь, Сострадание» теми истинами, «ради чего жили, мучились и совершали открытия два великих человека» [8]. Бахтин подчеркивает множественность *самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинную полифонию полноценных голосов, составляющую основную особенность романов Достоевского* [3]. Вместе с тем представляется важным и целесообразным показать еще один «штрих к портрету» великого русского писателя, как он представлен в философских размышлениях одного из крупнейших мыслителей XX века – Семена Франка.

Целью данной статьи является анализ интерпретации Семеном Франком художественно-философского творчества Достоевского.

Прежде всего, следует отметить тот глубокий интерес, постоянное внимание и несомненную почтительность, которые ощущаются во всех работах Франка по отношению к творчеству Достоевского (цитаты или комментарии «из Достоевского» встречаются в подавляющем большинстве работ философа). Франк неоднократно называет писателя «глубочайшим из психологов»

[15, с. 151], «апостолом человечности в XIX веке» [10, с. 357]. В специализированных статьях Франка о Достоевском можно выделить несколько ключевых моментов, раскрывающих становление мировоззрения писателя и окончательный итог размышлений: Достоевский как выразитель кризиса европейского гуманизма, эволюция христианского миропонимания, смысл легенды о Великом инквизиторе. Но все сюжеты сводятся к рассмотрению главной проблемы у Достоевского – проблемы человека и обоснования человеческого достоинства. Очевидно, что мирозерцание Достоевского было духовно близко Франку, поскольку и в его философии проблема человека является центральной. Г. Аляев замечает, что образы и идеи Достоевского иногда будто задают четкие ориентиры франковской мысли, будучи крепкими основаниями для построения рационалистического анализа человеческой тайны [1, с. 32].

Большинство статей Франка о Достоевском были опубликованы на протяжении 1930–1934 гг. в немецких изданиях. Франк говорит о неценности творчества писателя в русской культуре как в дореволюционную, так и в большевистскую эпоху, а поэтому и влияние его в России оказалось только подспудным, тогда как на Западе его слава увеличивалась. Более того, Достоевский назван в числе жертв, принесенных на алтарь революционного или «прогрессивного» общественного мнения [15, с. 154]. Констатируя, что Достоевский, «бесспорно, самый популярный, любимый и ценимый русский писатель», Франк подчеркивает значение его творчества и идей в западной культуре [12, с. 360]. Более того, Достоевский – единственный русский писатель, идеи которого играют существенную роль в духовном обороте западной жизни и который стал некоторым фактором в идейном развитии западного мира [12, с. 361]. По мнению Франка, в «лице Достоевского прославляется какая-то во всем мире единственная глубина русского сердца» [10, с. 357], популярность его объясняется отнюдь не художественными достоинствами произведений, а восприятием писателя как религиозного мыслителя, наставника жизни, существенным общечеловеческим смыслом его мирозерцания. Г. Аляев также различает русскую и западную трактовки творчества Достоевского и полагает, что отношение Франка напоминает именно западный подход, но при этом философ сохраняет недоступную западной ментальности способность постичь те экзистенциальные глубины мысли Достоевского, которые придают его фигуре неповторимо русский характер [1, с. 32].

Одним из важнейших условий интереса и восприятия Достоевского Франк считает ту духовную ситуацию, в которой западный мир знакомится с мирозерцанием писателя. Духовные процессы в XIX в. представляли собой сложнейшие борьбу, переплетение и синтез разнородных, противоречивых новременных идей. Ее определяли несколько основополагающих факторов: господство и кризис гуманистической идеи, а также ощущение трагичности существования человека. Принято считать, что первые признаки кризиса западной культуры в целом уловил и выразил Ницше. В России многие мыслители (особенно эпохи Серебряного века) размышляли именно о кризисе гуманизма: Бердяев, Мережковский, Блок и другие. Ощущение «крушения гуманизма» витало в воздухе времени. В этой связи закономерным представляется обращение Франка к проблеме «Достоевский и кризис гуманизма».

Для мыслителей Серебряного века характерно особое отношение к гуманизму, которое не совпадает с тем специфическим смыслом, вкладываемым в это понятие общепринятой исторической терминологией, а также отличается от утвердившегося в широком общественном сознании представления о гуманизме как провозглашении и защите человеческого достоинства. Для Франка гуманизм есть та общая форма *веры в человека*, которая возникла в эпоху Ренессанса, является характерной чертой всего Нового времени. Ее существенным моментом является вера в *человека как такового* – обособленного и противопоставленного всему остальному, «как бы» предоставленного самому себе, что отлично и в определенной степени противоположно христианскому представлению о человеке в его отношении к Богу и в его связи с Богом.

Франк различает три разновидности гуманизма, сложившиеся в Новое время. Первоначальной и основной формой Франк называет просветительский «оптимистический» гуманизм. Человек видится как существо, обладающее «особым достоинством», способное самодержавно властвовать не только над самим собой, но над природой, над всей земной и вселенской жизнью. Обоснованием такому представлению служит учение о прирожденной доброте человека, способного в силу своей разумности найти способ осуществления добра в своей жизни, но при условии предоставления ему свободы. Проявления такого типа гуманизма Франк видит в XIX в. в господстве идей либерализма, демократии и прогресса и в средневропейском мировоззрении первой трети XX века [12, с. 362].

На рубеже XVIII – XIX вв., с точки зрения Франка, в романтизме и идеализме рождается особая «романтическая» форма гуманизма. Ее появление обусловили два фактора: неприятие узкого рационализма более глубокими эстетически и религиозно живыми натурами и французская революция, «внезапно обнаружившая» слепое, злое, демоническое начало в человеке и показавшая поверхность и неправду просветительского гуманизма [12, с. 362]. Сложившееся представление о человеке провозглашало его сущностью божественно-космические силы, необходимо нуждающиеся в сознательном развитии и совершенствовании. Доброта человека, таким образом, есть не его врожденное свойство, а итог духовного самовоспитания. Франк полагает, что здесь преодолевается рационализм Просвещения, но даже в большей мере проявляется его оптимизм. Одним из вариантов сочетания указанных форм гуманизма явился утопический социализм, оказавший огромное влияние на всю русскую мысль, и в том числе на Достоевского.

Третьей, весьма специфической («проблематичной») и в то же время закономерной формой является гуманизм натуралистический, формировавшийся в натурализме и материализме, гуманистически возвышающий и санкционирующий человека как природное, плотское существо и, соответственно, принимающий как его разум, так и духовность. Дарвинизм выступил в качестве теоретического обоснования данного представления. Франк обнаруживает здесь скрытые еще признаки кризиса гуманистической веры [12, с. 363].

Наряду с различными формами гуманизма духовная ситуация определялась явлением иного качества, прозвучавшим как в европейской, так и в русской культуре – Байрон, Леопарди, Альфред Мюссе, Шопенгауэр, Бетховен, Гофман, Гейне, Лермонтов, Баратынский, Тютчев. Это чувство «мировой скорби» – новое сознание сиротства человека в мире, трагической неосуществимости на-

дежд, безнадежных противоречий между человеческими устремлениями и объективными условиями существования. Франк считает это ощущение предвестником гуманистического кризиса.

Франк полагает, что первое свое выражение этот кризис находит в творчестве Гоголя и Герцена и есть крик отчаяния, но вместе с тем и мужественное признание человека, утратившего все иллюзии. На Западе подлинный кризис гуманистической веры проявился в двух формах: в революционном социализме (теоретически обоснованном марксизмом) и у Ницше [12, с. 363]. Безусловно, христианское мировоззрение Франка отображается в отчетливой и острой трактовке им данных духовных явлений. В марксизме он видит завершающую (*сатанинскую*) форму натуралистического гуманизма, в которой гуманизм истребляет сам себя. Речь идет о принципиальном отвержении возвышенного и духовного в человеке, утрате веры в человеческий образ, поскольку единственными подлинными двигателями прогресса объявляются силы *зла*, а вера в безличное чудовище «коллектива» вытесняет веру в человеческую личность [12, с. 364].

В мировоззрении Ницше Франк находит самое глубокое религиозно-философское выражение кризиса гуманизма и итог его крушения. Ницше объявил мораль и религию (высшие проявления человечности в человеке) свидетельством низменной и рабской природы человека. Требуя ее преодоления, Ницше считает объектом поклонения только существо, само ставшее Богом, и тем самым замещает гуманистический идеал человека.

Рассматривая творчество Достоевского, Франк отмечает, что удивительным образом на писателя не оказали влияния течения XIX в., выражавшие кризис гуманизма (он их не знал). Миросозерцание Достоевского, напротив, связано с влиянием романтического и раннего социалистического гуманизма. Исключительное значение Достоевского Франк видит в двух аспектах: именно Достоевский продумал и пережил кризис гуманизма с такой силой и глубиной как никто другой и только Достоевский сумел *преодолеть* его.

Творчество Достоевского традиционно воспринимается как самое беспощадное и бесстрашное обличение человека. Как никто другой, Достоевский открывает бездны зла, слепые, темные глубины человеческого существа, хаос диких страстей, бушующих в человеческом сердце. Человек у Достоевского прямо противоположен идеалам просветительского и романтического гуманизма. Все разновидности гуманизма для того, чтобы почитать человека, должны были искусственно его идеализировать, закрывать глаза на его слабость и порочность [10, с. 359]. В глазах «прогрессивного общественного мнения» цель писателя состоит в намеренном извлечении на свет порочных сил в единичном человеке. Но сам автор в то же время выступает и как самый адвокат своих героев. И Франк неоднократно упрекает в «духовной близорукости» людей, которые думают, что Достоевский безмерно, неправдоподобно преувеличивает зло в человеке. Безусловно, Достоевский отнюдь не склонен идеализировать человека и, возможно, во всей мировой литературе наиболее пронзительно раскрывает его существо. Именно в осмыслении данного феномена Достоевский, по Франку, делает самое важное открытие: «беспощадное обличение человека как-то само собой переходит в своеобразное оправдание человека» [12, с. 365].

Оправдание человека связано у Достоевского с признанием подлинной онтологической реальности человеческого духа, которая «прорывается» наружу через тонкую оболочку общепризнанной эмпирической реальности там, где человек восстает против требований разума и действует со всей силой иррациональности своего существа. По мысли Франка, Достоевский открывает и проповедует существо личности в человеке – это есть тот первозданный пласт, первооснова, которая лежит *глубже* всего различия между добром и злом (в данной связи интересна мысль Бердяева: у Достоевского человек берется как бы выпавшим из миропорядка [4, с. 112]). И поэтому всяческое зло не есть свидетельство бездушия, а имеет духовное происхождение. Самый закоренелый негодяй есть «все же» человек и в *этом* своем качестве заслуживает уважения (Франк замечает, что Достоевского интересуют заблуждения или зло, которые он сам испытал: его борение – всегда трагичное борение с самим собой [14, с. 368]). Любое зло представляет собой искаженное выражение потребности человека защитить достоинство и права своего существа и является признаком какой-то особой напряженности духовной жизни. Эта мысль, по Франку, напоминает «дерзновенную» мысль Якоба Беме о божественном первоисточнике того, что в падшем мире является злом [12, с. 365]. В данной оценке прослеживаются определенные колебания самого Франка и связь с проблемой теодицеи, которая для философа была весьма сложной и напряженной для разрешения – так называемой «слепой точкой» любой философской системы (С. Левицкий указывает на «тень Достоевского» в постановке и разрешении Франком проблемы теодицеи [6, с. 444]). В конечном итоге проблема теодицеи представляется Франку как *рационально* неразрешимая, но у Достоевского есть опыт упорного, полного любви, преодолевающего все несовершенства утверждения мира в его укорененности в Боге. И в этом для писателя (и для Франка) состоит религиозная истина. Основания, обуславливающие достоинство человека и благоговейное отношение к человеческой личности, как образу Божию, определяются *самой глубиной, значительностью его существа*, а не умственным или нравственным его совершенством [10, с. 359]. «Все, даже самые идеальные, мерила добра, правды и разума меркнут перед величию самой онтологической реальности человеческого существа» [12, с. 366].

Франк считает, что сознание Достоевского обусловлено особенностью православной веры – идеей просветления и ощущения божественности мира, несмотря на все его пороки и мучительную дисгармонию, – но прошло сложный путь становления. Франк приводит слова писателя, который вынужден был пережить «глубочайшее горнило сомнений» [13, с. 351]. Главными учителями Достоевского в данном отношении были Тихон Задонский и Николай Федоров. И в конечном итоге мирозерцание Достоевского можно охарактеризовать как христианское – мироутверждающее, радостное, космически ориентированное. Существенным элементом религиозного сознания Достоевского является его вера, которую, по мнению Франка, отличает основание оптимизма (характерного для всякой веры). Поскольку эта вера является «несокрушимым итогом духовного опыта самого правдивого и бесстрашного пессимизма в оценке эмпирической реальности» [11, с. 355].

Нравственное мирозерцание Достоевского в целом Франк характеризует как глубокую и трогательную *человечность* и подлинный гуманизм. Его самым

значительным открытием является признание *онтологической значительности* всякой человеческой личности, которое есть основания *достоинства* человека, его права на благополучие и уважение [12, с. 366].

Таким образом, Достоевский, по мнению Франка, парадоксально сочетает глубочайшее благоговение перед абсолютной ценностью человеческой личности с бесстрашным признанием глубочайших бездн зла в человеке. И это есть венец достижений писателя, который создал в современной культуре совершенно новую форму гуманизма, где вера в человека не требует какой-либо идеализации, лишена сентиментализма, а потому не может быть сокрушена никаким горьким опытом. Вместе с тем гуманизм Достоевского Франк характеризует как исконную и древнюю форму, а именно гуманизм христианский, считая его единственно возможным для существования. В катаклизмах XX в. обнаружили неслыханная бесчеловечность и горькое презрение к человеку, что угрожает самому его существованию. Поэтому Франк видит исключительное значение веры Достоевского для сохранения образа человеческого в человеке.

Библиографические ссылки

1. **Аляев Г. Є.** Філософський універсум С. Л. Франка / Г. Є. Аляев. – К.: ПАРАПАН, 2002.
2. **Арсеньев Н.** Внутренний смысл творчества Достоевского (Речь, произнесенная в Кракове, w Towarzystwie Badań Wshodnich (при Краковской Академии Наук), 15-го марта 1931 года) / Николай Арсеньев // Из жизни духа. – Варшава, 1935.
3. **Бахтин М. М.** Поэтика Достоевского / М. М. Бахтин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/>
4. **Бердяев Н. А.** Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990.
5. **Бицилли П. М.** Почему Достоевский не написал «Жития великого грешника» / П. М. Бицилли // Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии [сост., вступит. статья, коммент. М. Васильевой]. – М., 2000.
6. **Левицкий С. А.** С. Л. Франк / С. А. Левицкий // Франк С. Л. Реальность и человек. – М.: Республика, 1997.
7. **Меньшиков М. О.** Памяти Ф. М. Достоевского / М. О. Меньшиков // «Письма к русской нации». 1911 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russdom.ru/oldsayte/mom/m5/m525.html#m2>
8. **Ремизов В. Б.** Ф. М. Достоевский / В. Б. Ремизов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tspu.tula.ru/res/other/Tolstoy/Literature/dostoevskiy.htm>
9. **Розанов В. В.** Размолвка между Достоевским и Соловьевым / В. В. Розанов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/dostsol.html>
10. **Франк С. Л.** Апостол человечности / С. Л. Франк // Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.
11. **Франк С. Л.** Вера Достоевского / С. Л. Франк // Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.
12. **Франк С. Л.** Достоевский и кризис гуманизма / С. Л. Франк // Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.
13. **Франк С. Л.** Из духовной мастерской Достоевского / С. Л. Франк // Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.
14. **Франк С. Л.** Легенда о Великом Инквизиторе / С. Л. Франк // Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996.
15. **Франк С. Л.** Крушение кумиров / С. Л. Франк // Сочинения. – М.: Правда, 1990.

16. **Шестов Л.** Достоевский и Ницше (философия трагедии) / Л. Шестов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/shestov/nitshe.html>

Надійшла до редколегії 28.12.09

УДК 141.30

О. Г. Волков

Мелітопольський інститут державного і муніципального управління «КПУ»

ОСОБЛИВОСТІ ДИСКУРСУ ПІДДАНСЬКОГО СУБ'ЄКТА

Досліджено особливості реалізації владних стосунків у дискурсі підданського суб'єкта, зокрема залежність від дискурсу. Показано, що підданський суб'єкт використовує дискурс для вираження готовності до підпорядкування, більш того, досить часто – для збереження залежності, а преклоніння перед іншим зумовлене логікою дотримання взірця, наслідування досконалішому суб'єктові; звідси трагедія підданського суб'єкта в тому, що він віддає себе на волю іншому.

Ключові слова: підданський суб'єкт, політичний дискурс, влада, залежність, поклоніння, дотримання взірця, сенс, жертва, відвертість.

Исследованы особенности реализации властных отношений в дискурсе подданского субъекта, в частности зависимость от дискурса. Показано, что подданский субъект использует дискурс для выражения готовности к подчинению, более того, довольно часто – для сохранения зависимости, а преклонение перед другим обусловлено логикой следования образцу, подражания более совершенному субъекту; отсюда трагедия подданского субъекта в том, что он отдает самого себя во власть другому.

Ключевые слова: подданский субъект, политический дискурс, власть, зависимость, поклонение, следование образцу, смысл, жертва, открытость.

In the article the features of realization of imperious relations are investigated in discourse of citizenships subject, in particular dependence on discourse. Shown, that a citizenships subject uses discourse for expression of readiness to the submission, moreover, often enough for the maintenance of dependence, and bending down before other is conditioned logic of observance a standard, inheritance more perfect subject; from here tragedy of citizenships subject in that he gives itself in power other.

Keywords: citizenships subject, political discourse, power, dependence, worship, observance of standard, sense, victim, frankness

Актуальність дослідження політичного дискурсу пов'язана з потребою суспільства у виявленні своєрідності реалізації владних відношень у сфері комунікації. Дискурс, як інструмент владних стосунків, розглядається у французькій школі дискурсу, зокрема роботах Р. Барта і М. Фуко; слід зазначити, що вивченню їх спадщини присвячені роботи О. В. Дьякова, М. О. Шестакової тощо. Метою даної статті є аналіз істотних ознак підданського дискурсу, а основними завданнями: розгляд характеру залежності суб'єкта від дискурсу, уточнення визначення політичного суб'єкта, виділення